

У М Б Е Р Т О

НУЛЕВОЙ
НОМЕР.

Умберто Эко

Нулевой номер

«Corpus (ACT)»

2015

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44

Эко У.

Нулевой номер / У. Эко — «Corpus (АСТ)», 2015

ISBN 978-5-17-091032-8

Умберто Эко известен миру не только как живой классик современной литературы, но и как серьезный ученый — семиолог, медиевист, культуролог и массмедиолог. Новый роман «Нулевой номер» строится на академическом фундаменте — всестороннем изучении работы СМИ. В Милане запускается пилотный проект газеты, которая должна стать очередным инструментом политического влияния для спонсирующего ее медиамагната. Но редакция, составленная из хронических неудачников, занимается не работой, а мифотворчеством. Один из сотрудников с маниакальной одержимостью собирает доказательный материал, подтверждающий его собственную версию о том, что случилось с Бенито Муссолини в 1945 году и как спецслужбы союзников управляли политической жизнью Европы после войны. Вокруг расследования разыгрывается напряженная драма любви и смерти, счастья и страха, реальности и вымысла. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 821.131.1-31

ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-17-091032-8

© Эко У., 2015

© Corpus (АСТ), 2015

Содержание

Глава I	6
Глава II	11
Глава III	14
Глава IV	22
Глава V	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Умберто Эко Нулевой номер

Anime

Only connect!

E.M. Forster

© Bompiani / RCS Libri S.p.A. – Milan, 2015

© Е. Костюкович, перевод на русский язык, 2015

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Издательство CORPUS ®

Глава I

Суббота, 6 июня 1992 года, восемь утра

С утра не текла вода из крана.

Кап-кап, две младенческие отрыжки, дальше сухо.

Я сходил к соседке: нет, у них вроде все в порядке. Вы, наверно, общий кран у себя перекрыли, не иначе. Я? Да я не знаю, где он есть, этот общий кран. Я вообще сюда только что вселился, понимаете, я дома только ночую. Ничего себе! Так вы когда на неделю уезжаете, значит, не перекрываете воду с газом? В общем-то нет... Хорошенькое дело, дайте мне войти, я посмотрю.

Она открыла шкафчик под раковиной и что-то ткнула, и вода опять пошла. Видите? Там было перекрыто. Да? Прошу прощения. Голова уже не работает. Ничего, все бывает, тем более живете один, сингл!

И соседка покинула помещение на этой английской ноте.

Спокойствие. Полтергейстов не существует, они только в фильмах. Я и не сомнабула, так как и во сне не знал о существовании этого крана, а если бы знал, то закрутил бы в реальной жизни, потому что из душа все дни капало и это очень мне мешало спать, шлеп и шлеп в душевой кабине, так сходил с ума Шопен в Вальдемосе. И я просыпаюсь, и брежу в эту чертову ванную, и захлопываю две двери: которая из ванной и которая из спальни в коридор.

Это не могло произойти, ну не знаю, от короткого замыкания... Замыкание не имеет отношения к кранам, у крана рукоять, на то она и рукоять, ее крутят рукой. Это не могла быть крыса, крысы краны не перекрывают. Там такое допотопное колесико металлическое. В этой квартире всему, что есть в ней, не меньше пятидесяти лет. Ржавое колесико. Только рукой можно было его завернуть. Как ни крути. Чьей рукой? Гуманоида? У меня нет дымохода, по которому могла бы забраться сюда обезьяна с улицы Морг.

Так, давай все опять по новой. Любое последствие имеет причину, так принято думать. Чудеса исключаются в принципе. Не станет Вседержитель морочить себе голову моим душем, это не Красное море. Ищем в мире рационального: рациональное следствие, рациональная причина. Вчера перед сном я принял штильнокс. Запил водой. Значит, вода вчера шла из крана. А сегодня не идет. Следовательно, друг Уотсон, она была перекрыта ночью кем-то. Не мной. Этот кто-то или эти кто-то влезли ко мне в квартиру и небось опасались, что не они меня разбудят (будучи на мягких лапах), а что разбудит меня капанье из душа, которое и им сильно действовало на нервы.

Небось подумали: неровен час, капли меня разбудят.

И проявили смекалку. Перекрыли, как постоянно делает и моя соседка, всю в квартире воду.

Ну и что? Перекрыли – и что?

Книги в обычном порядке, в обычном беспорядке. Если бы здесь потрудились тайные службы всего мира и все насквозь перелистали, я бы, ей-богу, ничего не заметил. Бессмысленно лазить по ящикам, шкафам. Если они что-то выводывали, их мог интересовать только компьютер.

Может статься, они для экономии времени просто перекопировали все и ушли. И сейчас сидят, открывают файлы, постепенно убеждаясь, что в файлах нет совершенно ничего интересного.

Что они искали? Совершенно ясно – то есть я хочу сказать, что другого объяснения не вижу, – искали что-то о газете. Они же не идиоты. Предположили, что я копировал работу, которую мы делали в редакции. А следовательно, что, если я получил какие-то сведения от

пресловутого Брагадоччо, я их тоже якобы скопировал. На диск или дискету. Нечего и сомневаться: этой ночью они должны были наведаться и в редакцию. В которой они дискет не нашли. И теперь они думают-гадают (задним числом) и переживают, решив, что у меня дискета лежала в кармане. Ну мы же и идиоты, шипят они теперь сами себе. Не проверили карманы пальто.

Идиоты? Ничтожества. Будь они хоть кем-нибудь, не занимались бы подобной деятельностью, это уж точно.

Теперь попробуют опять, по принципу похищенного письма. Наскочат на улице, разыграют случайное ограбление. Надо их упредить. Давай-ка я отправлю этот диск сам себе до востребования, а востребовать его погожу.

Какой диск? Никакого диска нет в природе.

Ну и глупости приходят мне в голову, учитывая, что труп уже налицо, а Симеи ударился в бег. Их не интересует, знаю ли я что-нибудь и что я знаю. Они уберут меня для порядка, на всякий случай. И я даже не могу послать в газеты объявление, что об известном деле мне ничего не известно, потому что если я посылаю подобное объявление, значит, известно же мне хоть что-нибудь.

Как я вляпался в эту историю?

Виноваты во всем, ясное дело, профессор Ди Самис и мое знание немецкого.

Почему я связываю все это с Ди Самисом, а также с обстановкой сорокалетней давности? Потому что именно из-за Ди Самиса не защитил в свое время диплом. А в эту историю сейчас я влез, потому что в свое время диплом не защитил. Анна ушла спустя два года после женитьбы именно потому, что осознала (ее собственные слова), что я безнадежный неудачник. Интересно, кем же я казался ей до того. Когда ухаживал.

Я не защитил диплом, потому что с детства знал немецкий язык. У меня была тирольская бабушка. В детстве я говорил с ней по-немецки. И с первого курса я стал подрабатывать – переводить книги с немецкого. В те времена кто знал немецкий, тот уже имел профессию. Можно было читать и переводить книги, которые другие не понимали (а тогда эти книги считалось важным цитировать в диссертациях), и платили за это лучше, чем за французский и даже за английский. В сегодняшние времена в аналогичной роли выступают китайский и русский.

Однако, к сожалению, одно из двух: или ты переводил с немецкого, или ты кончал университет. Одно было с другим несовместимо. Те, кто переводили книги, сидели дома в приятном тепле или в приятной прохладе, в тапочках, и познавали много вещей. Какой для них смысл имело ходить на лекции в университет?

От чистой лени я поступил на германистику. Можно будет там не перенапрягаться, думал я, потому что я и так уже все знаю. Среди профессуры в те времена главенствовал профессор Ди Самис. Он сидел в так называемом «орлином гнезде» на верху барочного здания, находившегося в аварийном состоянии, куда взбирались по циклопической лестнице и попадали в гомерический холл. Оттуда открывалась дверь в помещение Ди Самиса и вторая дверь в Актовый зал, как его пышно именовал сам Ди Самис: попросту говоря – в аудиторию, рассчитанную на пятьдесят человек.

Заходить к Ди Самису можно было только надев фланелевые шлепанцы. В предбаннике имелось некоторое их количество, для лаборантов и двух-трех студентов. Кому шлепанцев не доставалось, тот ждал за дверью. Все поверхности были густо намазаны мастикой. Похоже, что и книги. Может, даже и физиономии лаборантов, давно состарившихся за годы, которые они дожидались, когда же их возьмут на кафедру.

В Зале был высокий потолок над готическими окнами (я так и не понял, почему они готические в барочном палаццо). В окнах были зеленые витражи. В условленный час, а именно в час четырнадцать, профессор Ди Самис покидал свое рабочее помещение, сопровождаемый,

в трех шагах позади, старшим лаборантом, а еще в шести шагах – лаборантами помоложе, из тех, кому было лет пятьдесят или даже меньше.

Старший лаборант нес за Ди Самисом книги. Молодые несли магнитофон, из тех, которые производились в пятидесятые годы, размером с «роллс-ройс». Профессор превращал десять метров между своими владениями и Залом метров в двадцать. Он не шел по прямой, а выписывал дугу, назовем ее параболой или эллипсом, возглашая: «Ну здравствуйте, здравствуйте, здравствуйте!» Попав в аудиторию, он усаживался на некий покрытый резьбой насест, и все замирало в ожидании торжественного вступления в стиле «Называйте меня Измаил».

Зеленый свет, проходя через зеленые витражи, придавал трупный вид его злорадно улыбающемуся лицу. Лаборанты налаживали магнитофон. И вот, с зачина «В противоположность утверждению достоуважаемого профессора Боккардо...» брала начало двухчасовая лекция. Зеленый свет наводил на меня зеленую тоску. То же самое читалось в глазах лаборантов. Я всеми нервами ощущал, как они страдают. По окончании второго часа, вслед за тем как мы, студенты, пулями вылетали из Зала, профессор Ди Самис заставлял помощников отматывать ленту в начало, слезал с насеста, демократично усаживался в первом ряду рядом с ассистентами, и все они вместе переслушивали с первого до последнего слова двухчасовую лекцию, причем профессор удовлетворенно кивал на любой пассаж, казавшийся ему существенным. Мне кажется необходимым добавить, что курс был посвящен проблемам перевода Библии Лютером на немецкий язык.

«Охренеть до чего увлекательно», – ерничали мои сокурсники, закатывая глаза. В определенный момент я (редко появлявшийся на лекциях) спросил профессора, утвердит ли он мне тему диплома «Ирония у Гейне». У Гейне здорово получалось иронизировать над любовными невезениями, поэтому я хотел изучить его метод, чтобы применять к невезениям собственным. «Юноши, юноши, – сокрушенно прошелестел профессор. – Все норовите изучать что-то сегодняшнее...»

Я отчетливо понял, что у Ди Самиса мне диплома не написать.

Имелся еще профессор Ферио, помоложе, с репутацией большого умницы. Он занимался романтизмом и около того. Но люди с опытом меня предупредили, что на дипломе мне все равно не избежать Ди Самиса, потому что если он не будет руководителем, то будет оппонентом, и поэтому ни в коем случае нельзя обращаться к профессору Ферио в официальном порядке, ибо Ди Самису это немедленно доложат и он на меня затаит. Действовать надлежало с великим хитроумием, чтобы профессор Ферио сам предложил мне защищаться у него, тогда Ди Самис затаит не на меня, а на Ферио. Самис и так уже ненавидел Ферио по той простой причине, что в свое время сам пригрозил его и взял на преподавательскую должность. В университетах (и тогда, и, полагаю, сейчас) дело устроено обратным образом по отношению к жизни: не дети ненавидят отцов, а отцы детей.

Я замыслил подкатиться к Ферио как-нибудь непринужденно, во время одного из ежемесячных заседаний, которые Ди Самис устраивал в своем Актовом зале и в которых участвовали многие преподаватели, потому что он обычно приглашал с выступлениями каких-нибудь светил. Обставлялось это так. Сначала выступление, потом обсуждение, на котором открывали рот исключительно преподаватели, а потом вся верхушка шла ужинать в ресторан «У Черепахи», лучший в квартале, со старинным антуражем и подавальщиками во фраках. Из «орлиного гнезда» в обители черепахи вела длинная улица с навесом и колоннами, потом пересекали средневековую площадь, заворачивали за угол пышного дворца и переходили еще одну площадюшку помельче. Через портик ораторы шествовали в сопровождении профессуры высшего эшелона, сзади следовали старшие преподаватели, за ними лаборанты, в хвосте – самые неробкие из студентов. На средневековой площади студенты отсеивались. Под стенами дворца откланивались лаборанты. Преподаватели доводили боссов до маленькой площади, до самого

ресторана, и там происходило прощание: в ресторан бывали допущены только приглашенный профессор и все, кто в ранге завкафедрой.

До той поры профессор Ферио и знать не знал о моем существовании. А мне уже университет опостылел настолько, что я вообще туда не ходил. Переводил себе дома без продыху... Переводчикам полагается жить по принципу «бери, что дают». Так что я перелагал сладостным новым стилем трехтомник о роли Фридриха Листа в функционировании Zollverein (Немецкого таможенного общества). Это, конечно, объясняет, почему и толмачество с немецкого я тоже бросил. Но в университет возвращаться мне уже было поздно.

Беда, что в этом сам себе не отдаешь отчета. Живешь и думаешь, что в один прекрасный день возьмешь и сдашь все экзамены и защитишь диплом. Кто вот так вот витает в облаке несбыточных надежд, тот уже, что называется, лузер.

Обнаружив это, человек и вовсе опускает руки. Я нанялся репетитором к немецкому оболтусу, слишком глупому, чтобы ходить в школу. В Энгадине. Чудный климат, вполне приемлемое одиночество, я продержался у них год, потому что платили. Но однажды его мамаша зажала меня в коридоре, дав понять, что была бы не прочь установить со мной еще более близкие отношения. У нее торчали зубы и имелись небольшие усики, поэтому я вежливо отклонил. Через три дня меня выгнали с работы, потому что мой ученик не улучшал успеваемость.

Тогда я сделался писакой. Я хотел бы печататься в газетах, но публиковали меня только в районном листке: рецензии на постановки провинциальных театров и на приезжих гастролеров. Рецензировал за гроши концертный дивертисмент, что давало мне возможность проходить за кулисы и пялиться сколько угодно на танцовщиц, одетых в матроски, с очаровательным целлюлитом, а потом увязываться за ними в столовую, где они ужинали кофе с молоком, а когда хватало денег, и яичницей. Там я потерял невинность в объятиях певицы, которая получила за это в награду благосклонную заметку в многотиражке города Салуццо, и этого ей совершенно хватило.

Не было у меня и определенного местожительства. Я сменил несколько городов до Милана (куда попал только благодаря Симеи). Я вычитывал верстки для издательств... специализированных, конечно. В большие издательства меня не брали. Отредактировал ряд статей в энциклопедии (проверка данных, дат, названий, сносок и т. д.).

Все эти работы сделали из меня, что называется, энциклопедически образованную личность. Неудачники (и самоучки) по знаниям всегда превосходят человека преуспевающего, ибо тому достаточно преуспевать в чем-нибудь одном, он не тратит время на прочее; а энциклопедичность – признак невезучести. Чем больше вошло кому-то в голову, тем меньше у него вышло в реальной жизни.

Мне посылали на чтение рукописи из издательств (иногда даже из крупных), потому что сами издатели рукописи не читают. Платили пять тысяч лир за штуку. В первый день, валяясь на постели, я свирепо грыз очередную рукопись, во второй – накатывал внутреннюю рецензию на две страницы, давая выход всему сарказму, какой имелся во мне, и топча неосторожного автора. В издательстве переводили дух, отвечали неосторожному, что с сожалением вынуждены отклонить. Вот. Профессией может быть, как видим, чтение произведений, заведомо не предназначенных к публикации.

Тем временем началось и кончилось все то, что произошло с Анной. Иначе кончиться не могло. С тех пор мне так и не удалось (да я и не стремился) с интересом подумать о романе с женщиной. Боялся! Что касается проблемы пола, она решалась в терапевтических целях путем, что называется, случайных связей, без риска привязаться, на ночь, на две, спасибо, это было просто чудесно. Иногда даже и за деньги, чтобы не изводиться от неудовлетворенного желания (танцовки меня вполне примирили с целлюлитом).

Все это время я мечтал ровно о том, о чем мечтают все на свете неудачники. О книге, которая открыла бы для меня двери славы и богатства. Чтоб научиться, чтоб стать большим

писателем, я даже некоторое время работал негром (или гострайтером, как говорят сейчас, чтоб было пополизиткорректней) у одного детективщика, который, в свою очередь, выходил под несобственным именем, под именем американца, как артисты спагетти-вестернов. Мне очень нравилось работать в подобной тени (под маской Иного, маскировавшегося Иным). Сочинять детективы было занятием легче легкого, достаточно было повторять стилистику Чандлера или на худой конец Спиллейна. Но когда я попробовал набросать кое-что свое, я понял, что любое описание пропускаю через художественный прецедент; я не могу сказать, что герой гуляет в ясный и солнечный полдень, а говорю «гуляет в пейзаже Каналетто». Так же работал и Д'Аннунцио. Желая сказать, что некая Костанца Ландбрук была такой-то и сякой-то, он делает ее «похожей на создания Томаса Лоуренса». Елену Мути он описывает как существо, чьи черты напоминают профили молодого Гюстава Моро. Андреа Сперелли приводит ему на память «Портрет неизвестного» из галереи Боргезе. Поэтому, чтобы читать Д'Аннунцио, надо иметь под рукой альбомы по истории искусства всех времен и народов.

Если Д'Аннунцио был скверный писатель, это не значило, что таким же скверным должен стать и я. Чтоб защититься от угрозы цитирования, я решил ничего не писать.

В общем, о моей жизни нечего было сказать. По крайней мере ничего хорошего. Так мне исполнилось пятьдесят – и тут пришло приглашение от Симеи. Терять было нечего. Было естественно согласиться и попробовать.

Ну и что теперь делать, коли так? Высунуть нос отсюда – рискую немало. Лучше уж затаиться и ждать. Они, поди, окружили дом. Как только высунусь... А я не высунусь. В кухне есть несколько пакетов крекеров и мясные консервы. Со вчерашнего вечера оставалось еще полбутылки виски. День, конечно, продержусь. Даже не день, а два дня. Налью себе на два пальца (а потом, если надо, и еще на два пальца, только, чур, не надо с утра, потому что с утра выпьешь – дуреешь). И постепенно я вернусь к самому началу этой истории, и никакая дискета не нужна, потому что я помню все, до самых мелочей, по меньшей мере – сейчас, в данный момент помню.

Смертельный страх замечательно освежает память.

Глава II

Понедельник, 6 апреля 1992 года

У Симеи было лицо с чужого плеча. То есть я хочу сказать, я никогда не способен вспомнить, какая именно фамилия у всяких Росси, Брамбилл или Коломбо, а также у разных Мадзини и Мандзони, помню только, что фамилии у них с чужого плеча.

Аналогично насчет Симеи я совершенно не способен вспомнить, какое у него лицо, потому что оно у него чье-то чужое. Можно сказать, всехнее.

– Книгу? – переспросил я.

– Книгу. Мемуары журналиста. Воспоминания. Летопись одного года, отданного подготовке издания, которое в конце концов так и не увидело свет. Это издание – газета. Рабочее название газеты – «Завтра». Намек на наших правителей, которые вечно все откладывают на потом. Так что книга будет называться «Вчерашнее завтра». Шикарно, да?

– И вы хотите, чтобы ее писал я? Почему, например, не вы? Вы ведь журналист? Если вы собираетесь руководить газетой...

– Руководить не значит уметь писать. Министр обороны не обязательно умеет нацеливать ракеты. Конечно, в течение года мы будем день за днем вместе обсуждать книгу. От вас потребуются блеск, огонек, а в общих чертах определять направление буду я.

– То есть книга выйдет за двумя подписями, Колонна интервьюирует Симеи?

– Нет-нет, дорогой Колонна, книга будет подписана только мной. Вам же по окончании работы надлежит немедленно испариться. Вас приглашают, извините, на роль негра. У Дюма были негры, и не вижу, отчего бы их не иметь и мне.

– Почему именно я?

– Потому что у вас есть талант писателя...

– Спасибо.

– ...но никто и никогда этого не замечал.

– Еще раз спасибо.

– Уж извините. До сих пор вы работали в областной периодике, батрачили на провинциальные издательские конторы, написали роман за другого человека... не спрашивайте, как я выяснил это, но роман ваш я видел, даже держал в руках, недурной стиль. В пятьдесят лет вы срыгаетесь с места и мчитесь сюда, как только слышите, что я в принципе готов дать вам работу. Значит, хотя вы способны писать и знаете, что такое книги, ваши дела явно не фонтан. Нечего стыдиться. Вот и я ведь тоже решил открыть газету, у которой нет никакого будущего. А почему? Потому что меня никогда не выдвигали на Пулитцеровскую премию. Потому что все, что я издал за всю жизнь, – сначала спортивный еженедельник, а потом журнал для мужчин...

– Но я ведь могу упереться, ответить отказом.

– Не уперетесь. Я предлагаю вам год с окладом шесть миллионов лир в месяц наличными, вчерную.

– Немало для писателя-неудачника. А что потом?

– А потом, когда вы сдадите мне текст готовой книги, ну, скажем, через шесть месяцев по окончании эксперимента, я выплачиваю еще десять миллионов наличными вчерную. Без налогов и формальностей. Это уж лично от меня.

– А потом?

– А потом дело хозяйское. Если вы не потратите гонорары на женщин, скачки и шампанское, то за эти полтора года у вас образуются восемьдесят миллионов, причем наличными. Сможете вздохнуть спокойнее.

– Минуточку. Если вы предлагаете шесть миллионов мне, то, простите, какой же оклад у вас... Плюс еще другие редакторы, и производственные расходы, и печать, и оптовики... И как я могу поверить, что есть такой спонсор или заказчик, который готов платить целый год за эксперимент, ничего для себя не получая?

– А с чего вы взяли, что «ничего не получая»? Заказчик совсем не в убытке. Это я окажусь в убытке, когда в конце концов газетенка не выйдет... Разумеется, есть вариант, что в конце концов заказчик решит действительно выпустить газету. Но тогда дело превратится в нечто настоящее, серьезное, и вряд ли заказчик захочет, чтобы этим продолжал заниматься я. Так что давайте примем как рабочую версию, что примерно через год заказчик решит, что эксперимент исчерпался и можно закрывать лавочку. Ну и вот, он закрывает, тут и возникаю я со своей публикацией. Публикация вызывает скандал и приносит мне кучу потиражных. Или же, наоборот, к примеру, кто-либо решает воспрепятствовать моей публикации и выплачивает мне разовую компенсацию. Тоже без налогов и формальностей.

– Ясно. Однако все-таки, если вы хотите задействовать меня на всю катушку, хорошо бы мне понимать, кто платит, зачем мы делаем это пресловутое «Завтра», почему оно потом не выйдет и что вы собираетесь рассказывать в книге, которую, без ложной скромности, буду писать за вас я.

– Ну, платит коммендатор Вимеркате. Я думаю, вам небезызвестно...

– Небезызвестно. Ваш Вимеркате любимый персонаж фельетонов. У него десятки гостиниц на Адриатике, богадельни и еще какие-то бизнесы, о которых много чего говорят, а также частные каналы телевидения, эти каналы вещают по ночам после одиннадцати и показывают аукционы, распродажи и полуголых девиц.

– Прессой он тоже занимается.

– Глянцевые журналы, сплетни, хроника частной жизни звезд, «Через скважину», еженедельники черной хроники в духе «Иллюстрированные злодеяния», всякая дрянь, трэш.

– Ну... не только. У него еще и публикации по интересам, садоводство, путешествия, «Четыре колеса», «Ветер и паруса», «Домашний доктор». В общем, владеет империей. Скажите лучше, вам этот офис нравится? Тут даже вон, смотрите, какой стоит фикус. Такие фикусы стоят у всех начальников на телевидении. Соседнее помещение – оупен-спейс, как принято это называть в Америке. Редакторы будут в оупен-спейсе, а вы будете в отдельной выгородке, не очень большой, но пристойной. Дальше – архивный зал. И все это нам предоставляется бесплатно. Все это здание целиком принадлежит коммендатору. К тому же производство и печать нулевых номеров намечено выполнять за счет мощностей остальной периодики. По части затрат это для нас оптимально, по-божески. Контора в центре. Сравните, где сидят другие большие газеты. К ним вообще не доехать, метро с двумя пересадками и автобус от метро.

– Чего же хочет коммендатор от этого эксперимента?

– Коммендатор рассчитывает войти в круги солидных бизнесменов, банкиров и крупных журналистов. Для этой цели он планирует выпустить периодическое издание, где будет достоверно освещаться все на свете. Без всякой утайки. Делаем двенадцать нулевых номеров, 0 / 1, 0 / 2, соответственно до двенадцати, ограниченным тиражом, в таком ключе, чтобы наши «публикации без утайки» попадали в руки прицельно отобранных людей. Как только коммендатор четко даст понять, что он способен существенно прижать... нашими «публикациями без утайки»... хвост кругам солидных бизнесменов, банкиров и крупных журналистов... круги, по идее, обратятся к коммендатору, чтобы он отказался от проекта. Коммендатор передумает выпускать «Завтра» и с радостью войдет в круги бизнесменов, банкиров и прочих крупных шишек. Условно предположим, например, что это отобразится в паре процентов акций крупной газеты, банка или телеканала...

Я присвистнул:

– Два процента – обалдеть! У него что, есть такие деньги?

– Ну есть или нет... Вы же понимаете. Это все пока что в плане принципиального соглашения. Главное – договориться о покупке. Деньги потом где-нибудь найдутся.

– Понимаю. И понимаю, что все это способно выстрелить только в случае, если коммендатор не подаст виду, что газета не собирается выходить. Кругом должны думать, что все кипит, клацают ротационные машины...

– Естественно. Что газета не выйдет, об этом Вимеркате не сказал даже мне. Я сам догадался. Даже не догадался, а просто знаю. Сотрудникам... с сотрудниками вы обязательно познакомитесь завтра... об этом никак знать нельзя. Пусть думают, что мы закладываем фундамент их жизненного благополучия. В курсе дела только вы и я.

– Но вам какая польза оттого, что у вас будет летопись, как вы в течение года подбирали шантажные факты для коммендатора?

– Лучше не надо таких вот слов, ну что такое, «шантаж». Как мы с вами в течение года просто собирали факты. Выражаясь как в «Нью-Йорк таймс», *all the news that's fit to print...*

– Просто собирали? Или не очень просто собирали?

– Ну, я вижу, вы уловили суть. Для чего коммендатору нужны наши с вами нулевые номера – кого-нибудь запугивать, или любоваться ими, или подтираться ими – это уже не наша проблема. Хотя, хочу уточнить, ваша... моя книга не должна представлять собой отчет о том, что говорилось на редакционных летучках. Для этого я вас не нанимал бы. Хватило бы магнитофона. Моя... наша книга призвана отобразить некую четкую картину. В книге должен быть рассказ о том, как я просадил год жизни, чтобы выковать образец свободной прессы, свободной от любых давлений, а потом это не дало искомого результата, ибо я был беспардонно задавлен и заглушен. Поэтому мне нужно, чтобы вы изобразили, приукрасили, идеализировали, выдумали эпопею... Ну теперь, полагаю, я донес до вас свою задумку в общих чертах.

– То есть в книге будет все в противоход тому, как обстояло дело на самом деле. Замечательно. А если вас вдруг возьмут да и опровергнут?

– Кто? Коммендатор? Пойдет заявит, что все было не так и что целью работы являлось грязное вымогательство? Вы что! Коммендатору выгоднее, чтобы думали, будто он оставил борьбу, потому что и на него давили. Что чем плясать под чужую дудку, он предпочел закрыть газету. Кто еще опровергнет? Редакторы? После того как вы их выведете в книге подлыми бесчестными журналюгами? Вот что, мы с вами выпустим такой бецеллер, – он выговаривал именно так, – против которого никто не захочет и никто не сумеет ничего поделать.

– Ну да. Учитывая, что оба мы с вами люди, как было однажды сказано, без свойств... как не принять ваше предложение.

– Люблю, кто говорит без обиняков, четко и ясно.

Глава III

Вторник, 7 апреля

Первая встреча с редакторами. Редакторов набрали шесть. Ну, шесть так шесть, будем поворачиваться.

Симеи уверяет, что от меня никто не ждет сбора фальшивой информации. Моя функция – сидеть в редакции и строчить летопись. Вот как он представил меня остальным, чтобы сразу определилось ху из ху:

– Господа, наступил момент знакомства. По порядку. Это наш уважаемый Колонна. Специалист с огромным опытом. Будет делить со мной нагрузку главреда. Редактировать ваши опусы. Вы пришли из абсолютно разных изданий. Полный разнобой. У кого-то опыт работы в леворадикальной прессе, у кого-то, скажем, в листке «Голос из помойки». А поскольку, как вы можете заметить, нас тут полтора человека, то кое-кому после многих лет похоронных объявлений предстоит переквалифицироваться на комментарии о правительственном кризисе. Конечно, нужен корректный и несложный стиль. Если кого-нибудь угораздит написать «палингенез», Колонна отследит и предложит адекватную замену термина.

– Глубинное моральное перерождение, – отозвался я.

– Да. А если кто-нибудь, имея в виду сказать «все крайне нестабильно», напишет «мы в эпицентре циклона», Колонна вовремя отреагирует, что по новым современным научным данным эпицентр – это единственное место, где царит полный и абсолютный штиль.

– В данном случае позвольте не согласиться, коллега Симеи, – вмешался я. – Нужно оставлять именно «эпицентр циклона», потому что не важно, что говорит наука. Читатель наш про науку знать не знает. Читатель знает, что «в эпицентре циклона» значит «в куче неприятностей». К этому его приучил телевизор.

– Прекрасно сказано, коллега. От нас с вами ждут языка настоящих мастеров слова, не яйцеголовых интеллектуалов. С другой стороны, собственник нашего издания где-то и когда-то сказал, что возраст зрителей его каналов (он имел в виду внутренний возраст) – двенадцать лет. Я ничего такого не говорю про наших читателей, но это интересная мысль. Это очень интересная мысль – всегда учитывать внутренний возраст клиента. Нашим с вами клиентам за пятьдесят. Это благонамеренный контингент, средний класс, они чтут порядок и закон, но любят почитать о беспорядках и беззакониях. Любят, но не очень. Давайте исходить из принципа, что наш клиент – это не то чтобы, как говорится, завзятый читатель. У большинства наших клиентов в доме не водится ни единой книги. Мы, однако, намерены предоставлять им, среди прочего, информацию и об успешных книжных новинках из числа тех, которые продаются миллионами по миру. Наш читатель все равно ни в коем случае читать их не будет, но он будет рад узнать побольше об экстравагантных миллионерах-литераторах, точно так же, как хотя он никогда не приблизится к кинозвезде-секс-бомбе, его интересуют все ее любовные похождения. Ладно. Переходим к представлению сотрудников. Предлагаю всем представиться самим. Начнем с единственной дамы, синьорины или синьоры...

– Меня зовут Майя Фрезия. Видимо, нужно сказать – синьорина. В смысле я не замужем, что называется, сингл. Мне двадцать восемь лет, незаконченное высшее, филологический факультет, не защитилась по семейным обстоятельствам. Последние пять лет занималась светской хроникой. Новости шоу-бизнеса. В мои обязанности входило узнавать, кто с кем встречается, и давать наводки фотографам. Еще я договаривалась с певцами или актрисами об их совместных выходах в разных сочетаниях, чтоб их подкарауливали папарацци, когда они держатся за руки или целуются. Словом, устройство вот-так-сюрпризов. Сначала мне это казалось неплохой работой, но потом я устала от этой лжи.

– А в нашей задумке сейчас почему вы захотели принять участие?

– Потому что надеюсь, что в этой газете будет речь о серьезных вещах и что мне будут поручать расследования без шоу-бизнесных поцелуев. Я достаточно любознательна и умею неплохо собирать сведения.

Небольшого роста, говорит осторожно и четко.

– Хорошо. Теперь вы.

– Романо Брагадоччо...

– Редкая фамилия.

– Это да. Одно из моих проклятий. По-английски, кажется, она означает что-то нехорошее. Слава богу, что только по-английски, а не на других языках. Мой дед был подкидыш. Фамилии подкидышам придумывали чиновники, проводившие перепись. Если попался садист, такое умел завернуть, что мало не покажется. Добро еще, что в случае моего деда служащий был садист наполовину и со знанием языков... Ну так вот, а сам я специализируюсь по сенсациям. Работал как раз у нашего собственника в журнале «На чистую воду». Не на ставке, а как внешний сотрудник.

Представились и остальные. Редактор Камбрия в прежней жизни терся по полицейским участкам и моргам, вынюхивая жареные факты: аресты, смерти в каких-нибудь впечатляющих авариях. Карьеры он не сделал. Редактор Лючиди вызывал недоверие с первого взгляда, а сотрудничал он весь век в чем-то таком, о чем никто и никогда не слышал. Палатино много лет делал журнальчики ребусов и загадок. Костанца начинал выпускающим корректором, но в наше время, учитывая, из какого множества полос состоит сегодня газеты, понятно, что никто не в состоянии прочитать номер насквозь перед выходом в печать. Выпускающие корректоры в наши времена вымерли, как станки Гутенберга.

Ни один из новых сотрудников не имел пристойной профессиональной подготовки. Мост короля Людовика Святого. Откуда Симеи их выкопал, вообще непонятно.

По окончании всеобщего знакомства Симеи суммировал приблизительные характеристики издания.

– Итак, выпускаем ежедневную газету. Под названием «Завтра». Почему такое название? Потому что обычные газеты всегда рассказывали и, к сожалению, рассказывают, вчерашние новости. Вы все знаете, сколько разных вечеров: «Коррьере делла сера», «Ивнинг стар», «Ле суар». А в наше время вечерние известия доходят до каждого по телевизору, так что газеты пишут о том, что уже известно, и поэтому плохо продаются. В газете же «Завтра» несвежие новости, те, что уже завонялись, будут, конечно, фигурировать, но в одной-двух колонках, чтобы прочитывались за минуту.

– Что же тогда будет, кроме этих колонок? – спросил с места Камбрия.

– Ежедневные газеты в наш век должны делаться по принципу еженедельников. То есть правильные темы – новости будущего дня. Анализы. Расследования. Эксклюзивы. К примеру: в четыре часа взорвали бомбу – это назавтра уже тухлая новость. Ну а мы с четырех до полуночи, до ухода в печать выискиваем кого-нибудь, кто нам даст оригинальную версию происшедшего, возможных виновников, что-то, о чем даже и не догадывается полиция, желательно и прогноз, в какую сторону будет развиваться жизнь в последующие недели как непосредственный результат вот этого самого теракта.

Брагадоччо перебил:

– Но чтоб выдать подобное разыскание за восемь часов, требуется редакция раз в десять многочисленнее нашей... Нарботки, информаторы, контакты, ну, я не знаю...

– Верно. Ну и когда газета будет, так оно и будет. Но на данном этапе, первый год, мы пока что только примериваемся и прикидываем. Это возможно как раз потому, что на нулевые номера можно ставить вообще любую дату и они могут прекрасно свидетельствовать о том, как бы оно смотрелось в свое время, например в самый день теракта. Мы, когда работаем над

номером, уже знаем, что случилось впоследствии, однако пишем мы так, как будто еще ничего не было известно. Сплошные предсказания! Яркие, оригинальные! Не в бровь, а в глаз! Типа: вот как бы выглядело «Завтра», вышедшее вчера. Понятно? Скажу вам больше. На самом деле, если бы теракта и не было, мы могли бы выпустить номер так, как будто он был.

– Да и сами бомбу кинуть ради эдакого дела, – хихикнул Брагадоччо.

– Глупостей вот только не надо, – одернул его Симеи. И, помолчав, добавил: – Или если соберетесь делать глупости, не ходите признаваться ко мне.

После заседания мы спускались по лестнице с Брагадоччо.

– Мы же с тобой знакомы, помнится? – спросил он.

Не знаком я с ним, ей-богу. Он почему-то «тыкал» мне с первой минуты. Симеи на заседании дал нам понять, что в редакции будет «вы». Я тоже не люблю панибратства. Мы с ним вместе не спали. Но Брагадоччо совершенно явно считал иначе и был за «ты» между коллегами. Пришлось мне отказаться от чопорности. В особенности учитывая, что Симеи представил меня коллективу как своего зама или что-то в этом роде. И к тому же этот типчик, Брагадоччо, вызвал у меня интерес, а свободное время имелось.

Он взял меня под локоток и повел выпивать в одно хорошенькое место неподалеку.

Толстые губы, ухмылка, воловьи глаза – в общем, какой-то противный. Лысый, как фон Штрогейм. Шея у него начиналась прямо из загривка. Лицом же он был вылитый Тедди Савалас, инспектор Кояк. Ну вот, чего еще ждать, стал описывать – и пошли сравнения...

– А эта Майя ничего, мне кажется. Ты как думаешь?

Я, стесняясь, пролепетал, что почти не рассмотрел ее (как уже говорилось, я держусь подальше от женщин). Но он шлепнул меня по плечу:

– Не притворяйся джентльменом, Колонна. Я точно видел, что ты на нее тарашился. Лично на мой взгляд, она ко всему готова. Да они все, по-моему, в принципе готовы, надо только знать, с какой стороны подлезть. На мой вкус, тощевата. Это минус. И груди нет вообще. Но тем не менее я бы не стал отказываться...

Слово за слово, мы оказались на улице Торино. После какой-то церкви Брагадоччо решительно повернул направо в коленообразный проул, темный, с двумя-тремя глухо закрытыми воротами и без единого магазина. Запустение. Запах там тоже витал спертый, хотя, возможно, это просто наваяло от вида ободранных стен и поблекших граффити. В вышине труба выпускала дым. Было непонятно, где и что топится, потому что окна доверху были заколочены, ни признака жизни. Вероятно, топились в квартире, выходившей на другую сторону, и никому никакого дела не было, что загрязняется необитаемая улица.

– Улица Баньера. Самая узкая в Милане, хотя пошире парижской улицы Кошки, уходящей рыбу. В давнее время ее звали «щель». Здесь были древнеримские бани, отсюда Баньера.

Из-за угла выплыла женщина с коляской.

– Лезет куда ни попадя, – пробубнил Брагадоччо. – Что ли, не знает... Был бы я женщиной, не ходил бы по этому переулку. И уж давно в темноте. Запросто проткнут и выпустят потроха. И будет жалко, потому что бабенка вполне ничего, из тех, которые приглашают сантехника, пока муж на работе. Ну же, обернись, погляди, как она вертит задом. А тут были страшные дела. За дверями, вот за засовами, будь уверен, до сих пор полный набор заброшенных подземелий и тайных ходов. В девятнадцатом веке некий Антонио Боджа затащил в подвал знакомого счетовода, вроде показать амбарные книги, и ткнул его топором. Счетовод каким-то образом выжил, Боджу арестовали, нашли умалишенным и заключили в сумасшедший дом на два года. Но как только выбрался он оттуда, взялся опять за свое. Входил в доверие к состоятельным людям, затаскивал в погреба, убивал, грабил, хоронил. Серийный киллер, как их называют сейчас. Но неосмотрительный! Повсюду он оставлял следы своих коммерческих отношений с жертвами. И из-за этого влип. Полиция нагрянула в помещение, вырыли пять

или шесть мертвых тел, и Боджу повесили на площади Порто-Людовика. Голову отдали в анатомический театр миланской больницы. Это было во времена Ломброзо, и ученые искали в скелетах и в костях черепов знаки наследственной преступности. Изучив голову, по официальной версии, ее захоронили на кладбище Музокко. Хотя поди проверь, захоронили или нет... Такие мощи в большой цене у оккультистов и сатанистов. Ну вот, и до сих пор об этом Бодже в Милане сохраняется память, как о Джеке Потрошителе в Лондоне. Ночь бы я тут проводить не стал. А вообще даже нравится. Я тут назначаю встречи, да, вообрази, Колонна.

После улицы Баньера мы прошли через площадь Ментана на улицу Мориджи, тоже тусклую, но с магазинчиками там и сям и с красивыми подъездами. После этого открылась довольно обширная площадка-парковка, вокруг какие-то развалины.

– Видишь, – сказал Брагадоччо. – Которые слева, это настоящие римские руины. Мало кто помнит, что Милан был в свое время столицей империи. Они, конечно же, достопримечательность, хотя миланцам на них наплевать. А вон там, за парковкой, другое дело. Это следы последней войны.

Дома, распотрошенные бомбежками, не дышали старинным смирением, которым веяло от римских развалин, а сумрачно глазели вырванными очами, как будто их поразила волчанка.

– И почему никто не строится на этом пустыре, – разглагольствовал Брагадоччо, – в толк не возьму. То ли защита памятников, то ли для собственников выгоднее держать парковку, нежели строить доходные дома. И те дома, что после бомб, не разбирают. Не приводят в порядок. Это уж точно непонятно почему. Лично мне тут, знаешь, еще страшнее, чем на улице Баньера. Хотя помогает представить, чем был наш Милан после войны. В этом городе мало где есть возможность это представить. Милан пятьдесят лет назад. Как когда я был ребенком, потом подростком. Война кончалась, мне было девять лет... До сих пор иногда мне ночью кажется, будто падают бомбы. Ладно. Тут не только следы военных разрушений. Видишь, на улице Мориджи стоит башня семнадцатого века, все эти бомбежки ей хоть бы хны. А под ней уже лет сто как имеется таверна, таверна «Мориджи».

Мы вошли в зал с красными стенами. Под облупленным потолком висела старая люстра из кованого железа, а за стойкой торчала оленья голова. Сотни пыльных бутылок с вином украшали собою стены. Стояли грубые деревянные столы. Брагадоччо сказал, что к часу ужина их покроют клетчатыми красными скатертями, а меню напишут мелом на грифельной доске, как во Франции в трактирах.

За столами восседали студенты вперемешку с отдельными представителями богемы, длинноволосыми, но не в стиле шестьдесят восьмого года, а по образу поэтов, носивших некогда широкополые шляпы и галстуки а-ля Лавальер. Еще там была пара подвыпивших старикашек. Не то они сохранялись в помещении с начала века, не то ресторан нанимал их каждый вечер как статистов. Нам подали блюдо с сыром, копчеными колбасами и колоннатским салом и вынесли кувшинчик мерло, действительно высококачественного.

– Ну что, неплохо, – не унимался Брагадоччо. – Ведь правда? Ведь точно тут чувство, будто находишься вне времени?

– Тебе так нравится Милан, которого нет?

– Я же сказал, меня тянет туда, в Милан моего деда и отца.

От выпитого глаза у него заблестели. Он вытер салфеткой кружок, образовавшийся от бутылки вина на старом дереве.

– Хотя моя семейная история... Дед был одним из так называемых главарей так называемого проклятого режима. После капитуляции его узнал партизан вот тут рядом на углу улицы, на углу улицы Каппуччо. И деда немедленно расстреляли тут же на улице. Отец узнал с опозданием об этом, потому что отец, верный заветам семьи, в сорок третьем завербовался добровольцем в Десятую МАС, его взяли в плен в Салу и отправили в концентрационный лагерь в Кольтано. Он чудом выбрался через год. Отпустили по недостаточности улики. Кроме того,

начиная с сорок шестого года Тольятти стал проводить общую амнистию. Парадоксы истории: коммунисты реабилитировали фашистов. Может быть, Тольятти и был прав, кстати. Надо же было восстанавливать нормальную жизнь. Нормой этой жизни, однако, было, что моего отца с его биографией и с биографией его отца в придачу не брали на работу. На всех на нас работала мать. Работала портнихой. Отец же потихоньку спивался. Помню только лицо с красными жилками и водянистые глаза. И тягучие разговоры. Он не оправдывал фашизм (идеалов у него не оставалось), но твердил, что антифашисты в своем стремлении заклеить фашизм переусердствовали по части ужасов. Отец не верил, что целых шесть миллионов евреев было уничтожено в лагерях. То есть, я хочу уточнить, отец не то чтобы утверждал, как некоторые, будто не было Катастрофы, но не верил и в версию истории, выстроенную победителями. Сплошные преувеличения, повторял он. Вот пишут, будто посередине одного лагеря были горы одежды с убитых высотой более ста метров. Высотой сто метров! Ну ведь это же ни в какие ворота, говорил отец. Ты подумай, конус в сотню метров по диаметру будет далеко превосходить размеры лагеря.

— Да, но надо же учитывать: люди, пережившие нечто ужасное, часто гиперболизируют. Например, о каком-нибудь военном конфликте говорят, будто там пролились реки крови. Но никто же не имеет в виду настоящую реку, например, как Амазонка. Человек, переживший травму...

— Согласен, согласен. И все-таки отец не хотел принимать чужие рассказы за чистую монету. И то сказать: газеты врут, историки врут и телевидение сегодня только и делает, что врут. Видел ты репортажи о войне в Заливе в прошлом году? Баклана знаменитого, облепленного нефтью? Так вот доказано, что в этот сезон в Персидском заливе бакланов не бывает, картинка была восьмилетней давности, времен Ирано-иракской войны. Другие потом писали, что этого баклана взяли из зоопарка и вымазали петролем. То же самое и насчет преступлений фашизма. Еще раз подчеркиваю: я не агитирую за идеи моего отца или деда. И не утверждаю, будто бы уничтожения евреев не было. У меня вообще есть прекрасные друзья евреи, так что о чем тут говорить. Но я ни во что не верю слепо. Летали ли американцы на Луну? Ведь съемки действительно могли быть сделаны в студии? Ведь и действительно, если смотреть на тени астронавтов, там что-то не так? И была ли на самом деле пресловутая война в Заливе? Или нам показывали старую хронику? Живем в вечной лжи, а поскольку мы сами прекрасно понимаем это — еще и в вечном подозрении. Я постоянно подозреваю. Всех, везде и всегда. Единственное, что точно было, о чем я сам могу свидетельствовать, — это вот именно Милан, каким он был пять десятилетий назад. Бомбежки действительно были. Кстати, бомбил-то кто? Американцы и англичане!

— Ты говорил об отце...

— Отец мой умер от алкоголизма, когда мне было тринадцать лет. Когда я стал старше, освобождаясь от этой памяти, я ринулся в обратную крайность. В шестьдесят восьмом, хотя мне было уже больше тридцати, я отрастил волосы и обрядился в штормовку и свитер. Прикнул к маоистам. Впоследствии стало известно, что Мао убил побольше людей, чем Сталин с Гитлером вместе. Мало того. Кружки маоистов кишели провокаторами спецслужб. Тогда я решил, что буду работать журналистом, развенчивать заговоры. Тем самым меня миновала опасность (хотя я имел опасные знакомства) угодить в круги красного терроризма. Я разуверился во всем, кроме уверенности, что за спиной у каждого всегда маячит кто-нибудь, кто его обманывает.

— И оттого ты сейчас...

— И оттого я сейчас пошел в эту газету. Если она получится, может быть, я нашел место, где достаточно серьезно отнесутся к некоторым моим открытиям. Я доискался до истории, которая... В общем, кроме журнального материала, это будет еще и книга. И вот тогда, тогда... Но хватит. Вернемся к этому разговору, когда я закончу приводить в порядок факты. Но только

все это должно быть быстро, потому что я нуждаюсь в деньгах. Мизерной зарплаты, которую дает Симеи, не хватает...

– На жизнь?

– На автомобиль. Естественно, я куплю автомобиль в кредит, но кредит-то надо выплачивать. Он мне очень нужен. Автомобиль. Для расследования.

– Ну и ну. Расследование нужно, чтоб заработать на автомобиль, а автомобиль нужен для расследования.

– Чтоб подобрать факты, нужно ездить, интервьюировать. Без машины, да еще с этим хождением ежедневно в редакцию, придется восстанавливать историю по памяти и черпать исторические факты только из головы. Но даже и не в этом главная проблема...

– А в чем же главная проблема?

– Ну, не хочу занудствовать, но все-таки данные работают только в сочетании! По отдельности факты – ничто. Только цепочки увязанных фактов позволяют иногда догадаться о том, что кое-кому хотелось бы от нас утаить.

– Значит, твое историческое расследование...

– При чем тут расследование. Я об автомобиле.

Он возюкал по столу пальцем, намоченным в густом вине, и соединял, как бывает на картинках-загадках, хитрые сети точек, вычерчивал между ними отгадки-фигуры.

– Нужна быстроходность, нужен класс. Малолитражки исключаются. К тому же я признаю только передний привод. Так я теперь думал было купить «ланчу тему турбо», шестнадцать клапанов, задорого, шестьдесят миллионов лир. Но она того стоит. Двести тридцать пять километров в час и разгон с места за семь и две. Лучших показателей быть не может.

– Однако дорого.

– Да, дорого. И нужно учесть то, чего они не договаривают. Автомобильные рекламы если не врут, то умалчивают. А если внимательно прочесть техническое описание в автомобильном журнале, обнаруживаем, что у нее ширина сто восемьдесят три сантиметра.

– И что с того?

– Ну вот, ты тоже не понимаешь. Смотри, в рекламе всегда сообщают длину, и длина имеет, конечно, значение и для парковки, и для престижа, не спорю, но о ширине ни слова не говорят, а ширина все меняет и в смысле гаража, у кого гараж небольшой, и в смысле парковочного места, когда наконец находишь себе в городе дырку, куда еле можно залезть.

– В этом смысле не шире ста семидесяти.

– Да, но если она шириной сто семьдесят, значит, в ней тесновато, и при пассажире на переднем сиденье сразу возникает неудобство. Некуда деть правый локоть. Нет того комфорта, что в широких машинах, когда много кнопок по правой руке сразу возле передачи.

– Ну и...

– Ну и, значит, надо, чтоб кнопок было много прямо на руле. Тех кнопок, что обычно размещаются на щитке справа. Они должны быть на руле. Думаю, «сааб девятьсот турбо», ширина сто шестьдесят восемь сантиметров, разгоняется до двухсот тридцати километров, и по цене все же меньше, пятьдесят миллионов.

– Угу, самое оно.

– Нет, не самое оно. Я прочел там в нижнем уголке объявления, что он разгоняется за восемь пятьдесят, в то время как для идеала нужно не больше семи, как в «ровере двести двадцать турбо». «Ровер» этот стоит сорок миллионов, ширина сто шестьдесят восемь, скорость максимум двести тридцать пять, приемистость шесть и шесть, настоящая ракета, честное слово.

– Этот «ровер» тебе и нужен.

– Да не нужен, потому что в нижней строчке объявления обычно приписана маленькими буквами высота. А высота у него сто тридцать семь см. Это низко для моей комплек-

ции. Это как гоночная машина. Есть кому охота козырять спортивной машиной. А для меня лучше «ланча» с высотой сто сорок три или «сааб» сто сорок четыре, сидишь как бог. Было бы полное счастье, если, конечно, не вчитываться в технические данные. В них все написано. Надо только уметь читать. Это как сопроводительные листки к лекарствам, где побочные эффекты даны совершенно микроскопическим шрифтом, а смысл важный: если будешь это принимать, помрешь сразу. Между тем «ровер двести двадцать» весит только одну тонну сто восемьдесят шесть килограммов. Совсем немного, если врезаться в грузовик на ходу. Для этого случая лучше бы иметь потяжелее машину. Чтоб там хотя бы часть корпуса была из стали. Ну, не обязательно «вольво», «вольво» – это танк, но она слишком медленно ездит. Я сказал бы, пусть это будет «ровер восьмьсот двадцать», тоже пятьдесят миллионов, двести тридцать километров в час и одна тонна четыреста двадцать килограммов.

– Но и его ты забраковал, потому что... – Я уже был охвачен той же паранойей.

– Потому что ускорение восемь запятая два. Это не машина, а черепаха. Спринта никакого. То же самое «мерседес це двести восемьдесят». Ширина сто семьдесят два. Но не говоря уж о том, что он стоит шестьдесят семь миллионов, у него приемистость восемь и восемь. И заказывать «мерседес» требуется за пять месяцев. Это, кстати, вот еще один параметр: срок поставки. У тех, которые я называл тут, сроки варьируют. Одни можно взять через два месяца, а другие сразу. А почему сразу? Потому что их никто не хочет! Ну и нам тоже не надо! Знаешь, что можно получить сразу? «Калибру турбо», шестнадцать клапанов, двести сорок пять километров в час. Полноприводная, приемистость шесть и восемь, ширина сто шестьдесят девять, пятьдесят миллионов стоимость.

– То что надо.

– Нет, не то что надо. Весит всего тонну сто тридцать пять. Слишком мало весит. Высота всего сто тридцать два. Еще хуже, чем у прочих. Это для богатых лилипутов. Да и если бы кончились на этом все проблемы. Мы еще не обсуждали вопрос багажников. Самый объемистый багажник у «темы турбо», шестнадцать клапанов. Но у нее ширина всего сто семьдесят пять. Если уж говорить об узких машинах, я настроен скорее на «дедру два ноль эль икс». Багажник у нее вместительный. Но, к сожалению, приемистость девять и четыре, и весит только тонну двести, и в час дает только двести десять.

– Ну так как же?

– Ну так вот я и не знаю, как же. Голова и так забита расследованием, так еще среди ночи просыпаюсь и сравниваю параметры автомобилей.

– Прямо вот так по памяти?

– Да сперва по таблицам, но теперь уж я запомнил все таблицы, просто мучение. Похоже, что машины специально делают для того, чтобы человек не мог выбрать и купить.

– Чрезмерная подозрительность.

– Никогда она не чрезмерна. Подозревать, всегда подозревать, и только так ты обретаешь истину. Не на этом ли стоит мировая наука?

– Ну да, мировая наука, да.

– Но и наука, бывает, врет. Как с холодным термоядом. Врали-врали, после чего оповестили, что холодный термояд – фикция.

– Но ведь оповестили же.

– А кто оповестил? Пентагон. Как обычно, им надо прикрыть какую-то тайну. Может, холодный термояд у них как раз получился! Может, врут именно те, кто говорит, будто он – вранье.

– Так то Пентагон и ЦРУ. Но не автомобильные ведь журналы. Не думаю, что автомобильные журналы – рупор замаскировавшихся демоплутжидократов.

Это я так пытался вернуть его к действительности.

– Не думаешь? – переспросил он с горькой улыбкой. – А разве они не связаны с американской крупной индустрией, с семью нефтяными сестрами, а сестры разве не убили нашего инженера Маттеи, на которого мне, честно говоря, наплевать, но они вдобавок расстреляли и моего дедушку, давая деньги партизанам. Видишь, как все между собой связано?

Но тут официанты стали демонстративно покрывать наш стол скатертью, показывая, что тем, кто пришел только выпить стакан вина, пора уматывать.

– Раньше тут брал один стакан и сидел до поздней ночи, – тяжело вздыхал Браггадоччо. – А теперь им интересны только те клиенты, кто много платит. В конце концов устроят тут дискотеку-светомузыку. Пока что здесь все настоящее, но, честное слово, уже пованивает обманом. Остерия вроде миланская, а хозяева, доложу тебе, уже давно тосканцы. Я это выведал. Я не имею ничего против тосканцев. Люди как люди. Однако в свое время, я был ребенком, в знакомой семье одна дочь вышла замуж за вот такого приезжего, и ее отец кричал, что-де надо бы перегородить стеной Италию на уровне Флоренции, а моя матушка добавила: «Флоренции? Да по мне, на уровне Болоньи!»

Мы ждали счет. Браггадоччо пригнулся и прошептал:

– Нельзя у тебя одолжиться? Верну через два месяца.

– У меня? Да я же на мели, как и ты.

– Угу. Не знаю, сколько тебе дает Симеи, формально я не имею права. Но сегодня ты заплати за двоих, хорошо?

Так я познакомился с Браггадоччо.

Глава IV

Среда, 8 апреля

Назавтра было первое настоящее заседание редакции.

– Ну, беремся за дело, – сказал Симеи. – Выпускаем газету за восемнадцатое февраля.

– Как за восемнадцатое февраля? – спросил Камбрия, который, как мы поняли со временем, был специалист по глупым вопросам.

– Потому что семнадцатого февраля, вы, конечно, помните, карабинеры вошли в кабинет Марио Къезы, директора богадельни «Милосердный приют Тривульцио» и члена верхушки миланских социалистов. Все вы знаете эту историю: Къеза потребовал взятку с фирмы по уборке помещений, чтобы оформить с ними контракт, он хотел получить обратно десять процентов, а контракт был сто сорок миллионов, так что, видите, богадельня тоже хорошая дойная корова. И доил он уже давненько, уборщикам надоело платить эти взятки, и они заявили на Къезу. В следующий раз уборщики понесли ему часть этих четырнадцати миллионов уже под микрофон и под скрытую камеру. За ними вошли карабинеры. Къеза в диком испуге выхватил из ящика еще одну, более серьезную пачку денег, которые получил с кого-то еще до уборщиков, и помчался в туалет, чтобы топить банкноты в унитазе. Но его опередили, и наручники защелкнулись. Таковы факты истории. И теперь вы, Камбрия, знаете, что за факты надлежит рассказывать в газете, которую мы готовим. В газете следующего дня. Идите в архив, перечитайте как следует все, что происходило после, и сочините прелестную вводную, нет, пожалуй, даже прелестную центральную статью. Тем более что, если я правильно помню, в тот самый день ни одна итальянская газета не поместила даже и короткого сообщения.

– Ясно, шеф, я пошел.

– Погодите. Именно вот тут начинает работать специфика нашего издания «Завтра». Как вы помните, в последующие дни ни одна газета не уделила внимания этой истории с богадельней. Беттино Кракси сказал, что Къеза мелкий мазурик, что так ему и надо. Однако кое-что не было известно читателям в тот день восемнадцатого февраля! А именно, не было известно, что следственная группа мощно разрабатывает след и что группу возглавляет настоящий бульдог, прокурор Ди Пьетро, имя которого вскорости станет известно всей стране. Два месяца назад его никто не знал. Прокурор Ди Пьетро в ходе допросов нажал на Къезу, тот выдал ему номера швейцарских счетов и признался, что речь шла отнюдь не о единичном случае. Так вышла наружу целая сеть политической коррупции, в которую были впутаны все партии. Все, какие есть. Грандиозные последствия этих первых открытий мы с вами наблюдаем как раз в текущие дни, ибо на выборах, как вы видите, христианская демократия и социалисты теряют массу голосов, за счет которых усиливается «Лига Севера». «Лига» играет на возмущении людей центральным правительством и Римом. Аресты идут за арестами. Политические партии разваливаются. Можно предположить, что за падением Берлинской стены и за распадом Советского Союза наступает эпоха, когда американцам вообще уже не требуются партии-марионетки. И они бросают эти партии на произвол судьбы. На произвол прокуроров. А можно еще повернуть картину так, что будто-де прокуроры даже получили задание от американских спецслужб... Нет, не надо. Всему свое время. Пока что и без этого сойдет. Такова сегодняшняя ситуация. Однако восемнадцатого февраля никому и в голову не могло прийти, какая каша заваривается. А вот газета «Завтра» сумела все-все предугадать! И этими предугадываниями займется, например, вы, Лючиди. Официально поручаю вам это. Вы с многочисленными «может статься» и «не исключено» популярно излагаете в статье все, что на самом деле потом случилось. Вставляете пару имен. Имен политиков. Имена пусть пропорционально дозируются по разным партиям. Не забудьте уделить внимание прогрессивным левакам. После чего вы наме-

каете, что газета начинает самостоятельное расследование. Намакаете так серьезно, чтобы они все со страху обмочились. Все! Хотя, когда они будут читать наш номер 0 / 1, им уже известно, что случилось после восемнадцатого февраля. И тем не менее пусть трясутся. Пусть думают: а если бы дата на номере была не февральская? Каков бы был соответствующий номер ноль от сегодняшнего числа? Понятна вам моя мысль? За работу!

– Почему именно мне вы это поручили? – спросил Лючиди.

Симеи многозначительно пробуровил его взглядом, как будто Лючиди притворялся, что не понимает то, что остальным уже давно понятно.

– А просто я знаю, вы большой мастак коллекционировать разговоры и передавать их потом кому положено.

Впоследствии, наедине, я решил спросить у Симеи, что он имел в виду.

– Не болтайте остальным, – отвечал тот. – Но у меня есть основания считать, что Лючиди штатный осведомитель секретных служб, журналистика для него – только прикрытие.

– Осведомитель? А зачем вы его взяли в редакцию, осведомителя?

– Потому что о нас он осведомлять не будет, кому мы нужны. О нас и без того все ясно. Спецслужбам будет достаточно прочесть любой из наших нулевых номеров. В то же время он сможет использовать для нашего дела данные, которые собрал, шпиона за другими.

Симеи, может быть, и не великий журналист, подумал я, но в своем деле почти гений. Вспомнился анекдот о злобном дирижере, который говорит про одного из музыкантов: «Он-то, конечно, гений в своей области. Но область-то его, конечно, дрек».

Глава V

Пятница, 10 апреля

Продолжая перечислять, из чего будет создаваться номер ноль-один, Симеи распахивал нам широкие экзистенциальные перспективы по части рабочего горизонта каждого из нас.

– Колонна, проиллюстрируйте, пожалуйста, коллегам, каким образом соблюдается, или якобы соблюдается, основной принцип демократической печати: факты должны быть отсоединены от мнений. Мнений в газете «Завтра» будет предостаточно, и они будут оформлены как мнения. Но как мы докажем, что в базовых статьях приведены факты и только факты?

– Проще простого, – отозвался я. – Будем брать пример с англоязычных изданий. Когда описывают, не знаю, ну, скажем, пожар или автомобильную аварию, тогда, естественно, нельзя приводить факты без подтверждения. Поэтому в каждый текст вставляется в кавычках высказывание свидетеля: говорит простой прохожий, выразитель общественного мнения. Ставишь кавычки – любое заявление превращается в факт. Действительно, факт, что некто высказал суждение. Но журналист не должен отбирать только те факты, которые соответствуют его позиции. Поэтому положено использовать два высказывания, одно «за», другое «против», для подтверждения, что по единому поводу существуют разные точки зрения. Газета придерживается объективности. Хитрость в том, чтобы в первом случае привести бестолковое высказывание, а за ним вслед разумное. Оно-то и будет укреплять тезис автора. У читателя создается убеждение, что ему дали два различных факта. На самом же деле его плавно подвели к принятию лишь одного резона из двух возможных.

Рассмотрю на конкретном примере. Развалился виадук. С него рухнул грузовик и разбился, погиб водитель. Пусть в статье рассказывается об этом так: с нами беседовал господин Росси, сорок два года, владелец газетного киоска. «Что тут поделывать, судьба! – говорит Росси. – Жаль бедолагу, не повезло». Иначе думает Бьянки, рабочий с соседнего строительного участка. «Виновато городское управление, ведь давно было ясно, что с этим виадуком не все в порядке». С кем захочет ассоциировать себя читатель? С Бьянки или с Росси? С Бьянки, конечно, который ставит вопрос ответственно и указывает на виноватого. Конечно. Надо уметь расставлять кавычки. Потренируемся. Костанца, вы первый. Допустим, теракт на площади Фонтана.

Костанца после небольшого раздумья:

– Господин Росси, сорока двух лет, служащий, чуть не оказался в банке в роковой момент. Росси рассказывает: «Я был поблизости от банка и слышал ужасный взрыв. Кошмар. Кому-то это наверняка выгодно, но нам, конечно, никогда не узнать кому». Господин Бьянки, парикмахер, пятидесяти лет, тоже оказался неподалеку в момент покушения, и, по его свидетельству, звук бомбы был оглушительный, громоподобный. Бьянки считает: «Типичный теракт, работа анархистов, конечно, это анархисты, у меня нет сомнений».

– Чудно, чудно. Госпожа Фрезия, ваша очередь. Смерть Наполеона.

– Ну, мы разыскали для беседы мосье Бланша. Это мужчина солидного возраста и профессии. Он высказал мысль, что не стоило высылать на далекий остров человека, чья судьба изломана, разрушена. Что не подумали о его семье. А поэт Мандзони, лучше даже Мандзони с ударением на последнем слог, заявил, напротив, что, невзирая на испорченную биографию, покойный испытал высокого предчувствия порывы и томление, души, господства жаждущей, кипящее стремление и замыслов событие, несбыточных, как сон. Победу, заточенье, потом ожесточенье. Два раза брошен был во прах и два раза на трон.

– Славно сказано, насчет брошен на трон, – осклабился Симеи. Я удивился, что он не узнал затасканную цитату из Мандзони. – Славно сказано. Ну вот. Кстати, есть и другие способы незаметно продавливать свое влияние. Чтобы до всех довести идейную позицию, необ-

ходимо, как говорят обычно в редакциях, выстроить комплексную подборку. В мире сколько угодно новостей. Как отбирать? Автомобильная авария в Бергамо, так пусть же еще будет автомобильная авария в Мессине. Не только на севере, но, в частности, и на юге сплошные непорядки... Вот так. Не столько новости делают газету, сколько газета создает новости. Составляешь комплексную полосу из четырех новостей в подборке – и читатель, их поглощая, уже как будто прочитал и пятую новость. Вот, например, позавчерашний выпуск газеты. Смотрите. Полоса. Миланец бросил новорожденного младенца в унитаз. Пескара: к смерти Давида его брат отношения не имеет. Амальфи: предъявлено обвинение в мошенничестве психологу, занимавшемуся случаями анорексии. Бускате: вышел из тюрьмы после отбытия четырнадцатилетнего срока заключенный, убивший в возрасте пятнадцати лет восьмилетнего мальчика. Четыре эти сообщения сверстаны на одной и той же полосе, вокруг общего заголовка «Общество. Дети. Насилие». Все они, казалось бы, касаются преступлений против несовершеннолетних. Хотя если вчитаться, понимаешь, что это только «казалось бы». Лишь в одном из случаев (младенец, унитаз) действительно имеется преступление, совершенное родителями. Относительно психолога отнюдь не прописано, подростковая ли там анорексия. Что касается Пескары, так ведь в статье как раз, вот, говорится, что нет, что преступления не было, парнишка умер от несчастного случая. Бускате? Там не подросток, а тридцатилетний мужик, а преступление было четырнадцать лет назад. Так о чем эта полоса? Может, вообще ни о чем? К ленивому редактору попали в руки эти четыре материала из разных агентств, и он выставил их в подбор для вящей театральности? Очень может статься. Но в результате полоса выглядит пугающе, упреждающе, назидательно. По отдельности каждая из четырех новостей оставляет читателя равнодушным. А вместе, в комплексе, они приковывают внимание. Сколько уж раз всех возмущала эта постоянная повторяемость новостей типа «рабочий калабрийского происхождения подрался с соседом по цеху». Притом что никогда не читаешь: «рабочий альпийского происхождения подрался с соседом по цеху». Расизм, расизм. Шовинизм. Я согласен. Вот вы представьте себе, на одной и той же полосе рабочий альпийского происхождения колотит соседа, пенсионер из Местре убивает жену, киоскер в Болонье кончает с собой, штукатур из Генуи пишет фальшивый чек. Читателю все равно, где родились они все. Но как только на их местах оказываются рабочий калабрийского происхождения, пенсионер из Матеры, киоскер из Фоджи и штукатур из Палермо, в душе читателя возникает подспудное беспокойство по поводу разнообразных южных проблем. Наша газета выходит, как ни крути, в Милане, а не в Катании. Мы учитываем психологию миланского читателя. Доктор Колонна, в свободное время сядьте с редакторами, подберите материал из последних сообщений агентств и составьте несколько тематических полос. Потренируйте сотрудников. Покажите, каким образом удастся формировать новость там, где ее не было, или где никто не знал, что она есть.

Симеи продолжал:

– Переходим к новой важной теме: опровержениям. На текущем этапе мы газета без читателей, поэтому, какую новость ни выдадим, опровергать ее будет некому. Но в будущем нам предстоит отпираться от опровержений. В особенности если мы станем демонстрировать, что не страшимся острых тем и смело тычем туда, где гнило. Итак, начинаем тренироваться, в предвкушении реальных опровержений. На данном этапе изобретаем опровержения вымышленные и пишем на них отпирательства. Пусть собственник видит, что нас голыми руками не возьмешь. Мы говорили об этом давеча с доктором Колонной. Колонна, не могли бы вы продемонстрировать прямо сейчас всем нам пример хорошенького отпирательства?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.